

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Въ этой книгѣ блаж. Августинъ продолжаетъ изясненіе тою же стиха, что и въ предыдущей: въ началѣ сотвори Богъ небо и землю, и слѣдующихъ за нимъ, имѣющихъ ближайшее къ нему отношеніе. Здѣсь онъ высказываетъ свое мнѣніе, что подѣ словомъ «небо» надобно разумѣть вообще міръ существъ духовныхъ (міръ горній), непрестанно созерцающихъ и славящихъ Бога, а подѣ словомъ «землю» понимаютъ первоначальную матерію, не имѣвшую ни вида ни образа, изъ которой затѣмъ получили свое образованіе существа міра вещественнаго (міръ дольній), являясь не вдругъ, а постепенно, и не отъ вѣчности, а во времени. Впрочемъ тутъ же разясняетъ, что не слѣдуетъ отвергать и другихъ мнѣній, а напротивъ того въ св. Писаніи, при глубинѣ смысла, могутъ быть допускаемы многоразличныя толкованія.

ГЛАВА 1.

Духъ мой, возбуждаемый словами святаго Писанія Твоего, Господи, измечается отъ борьбы мыслей, волнующихъ его среди этой бѣдственной жизни моей: поэтому большею частію и происходитъ то, что у чловѣка бываетъ меньше мыслей. чѣмъ словъ; онъ исходитъ въ словахъ, чтобы отыскать истины; но онъ болѣе ищетъ, чѣмъ обрѣтаетъ ее, и ружа толкущаго болѣе измечается, нежели воспринимается.

Творъ блаж. Августина.

Но мы имѣемъ обѣтованія Твои, Господи; и кто можетъ отнять ихъ у насъ? Если Богъ за насъ, кто противъ насъ (Рим. 8, 31)? *Просите*, сказалъ Онъ намъ, и *дастся вамъ; ищите, и обрящете; толцуйте, и отверзется вамъ. Всякъ бо просяй пріемлетъ, и ищай обрываетъ, и толкующему отверзется* (Мат. 7, 7. 8). Вотъ Твои обѣтованія, Господи; и кто можетъ опасаться обмана, когда обѣщаетъ сама Истина?

ГЛАВА 2.

Смирненное слово мое исповѣдуетъ предъ величіемъ Твоимъ, что Ты сотворилъ небо и землю; что это небо, которое я вижу надъ собою; и эта земля, которую я попираю своими ногами [*отъ которой взята и та персть, въ которую Ты облекъ мою душу* (Быт. 2, 7.)], Тобою сотворены. Но гдѣ же то небо небесе, Господя, о которомъ говорится у псалмопѣвца и пророковъ: *небо небесе Господеи, землю же даде сыновомъ человеческимъ* (Псал. 113, 24; Втор. 10, 14; 3 Цар. 8, 27)? Гдѣ то небо, котораго мы не видимъ, передъ которымъ и для котораго все, что мы видимъ, есть *земля, какъ подножіе ногъ Его* (Иса. 66, 1; Дѣян. 7, 49)? Ибо все видимое нами небо, для котораго земля наша служить какъ бы подножіемъ, какъ ни прекрасно, съ неисчислимымъ множествомъ содержащихся въ немъ тѣлъ небесныхъ; но и это небо земли нашей по отношенію къ тому невидимому небу небесе есть тоже, что земля въ отношеніи къ небу своему. И мы не погрѣшимъ, если скажемъ, что оба эти великія творенія, видимыя нами, можно назвать землею по отношенію къ тому невидимому для насъ небу, которое служить престоломъ Господу, а не сыномъ человеческимъ.

ГЛАВА 3.

И эта-то земля была невидима и неустроена (Быт. 1, 2). И не знаю, что это за глубина бездны, покрытой тьмою,

гдѣ не было никакого свѣта. Точно, это былъ какой-то хаосъ, въ которомъ ничего нельзя различать, потому-что земля эта не имѣла еще никакого вида и устройства. Вотъ почему и сказано, что *тма была верху бездны* (тамъ же); а эта тма что такое могла выражать, какъ не отсутствіе свѣта? И гдѣ онъ могъ бы проявить свое присутствіе, если бы существовалъ, какъ не на поверхности ея, облегая и освѣщая ее своими лучами? А какъ свѣта еще не было; то присутствіе тмы и выражало собою отсутствіе свѣта. Такимъ образомъ тма была вверху бездны, потому-что свѣта не было тамъ; подобно тому, какъ царствуютъ тишина и безмолвіе тамъ, гдѣ не слышно никакого звука и никакого шума.. И что означаютъ тутъ это безмолвіе и эта тишина, какъ не отсутствіе всякаго звука и шума? Не Ты ли это, Господи, внушилъ такіа мысли душѣ моей, которая она исповѣдуеть предъ Тобою? Не Ты ли, Господи, Самъ вразумляешь меня въ томъ, что ничего не было, ни цвѣта (color), ни вида (figura), ни тѣла, ни духа, дотошъ, пока Ты не устроилъ и не привелъ въ порядокъ эту безъобразную матерію (informem materiam), не имѣвшую ни вида ни образа, изъ которой Ты въ послѣдствіи образовалъ все творенія міра вещественнаго? Однако же это не было *вообще ничто*, а было *что-то безъобразное* (quaedam informitas), безъ всякаго вида и образа.

Г л а в а 4.

Какъ же надлежало назвать эту первобытную матерію, чтобъ она могла быть понятна сколько-нибудь и для простаго смысла, какъ не общепотребительнымъ какимъ-нибудь наименованіемъ? И что можно найти во всемъ мірѣ лучшаго для приблизительнаго выраженія того, въ чемъ нѣтъ никакого вида и образа, какъ не *землю и бездну*? Ибо онѣ по низшему положенію своему въ ряду твореній менѣе всего отличаются

этимъ, и много уступаютъ въ семъ отношеніи всѣмъ прочимъ
вышнимъ твореніямъ, болѣе и болѣе свѣтлымъ и прекраснымъ.
Какъ же поэтому не согласиться, что для выраженія этой
безъобразности матеріи (*informitas materiae*), каковою Ты
создалъ ее первоначально (не имѣвшею ни вида ни образа),
но изъ которой Ты образовалъ затѣмъ столь чудный и див-
ный по красотѣ своей міръ, а вмѣстѣ и для сообщенія людямъ
понятія о таковой матеріи нельзя лучше прибрать словъ, какъ
сказать: *земля же бѣ невидима и неустроена* (Быт. 1, 2)?

Г л а в а 5.

Но при этомъ мысль наша пытается узнать, что такое
эта матерія для чувствъ нашихъ, и мысль сама собѣ дать
на то такой отвѣтъ: «эта матерія не есть предметъ умствен-
ный, какъ жизнь или правда, потому-что она составляетъ
вещество тѣлъ, подлежащихъ чувствамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ
она не есть и предметъ подлежащій чувствамъ, потому-что
въ ней, какъ невидимой и неустроенной (безъ вида и образа),
нѣтъ ничего, что бы могло дѣйствовать на чувства и быть ими
воспринимаемо». Въ такомъ случаѣ не значить ли, что разумъ
человѣческій, при подобномъ разоужденіи о первобытной ма-
теріи, становится въ такое положеніе, что знаніе его обра-
щается въ незнаніе, и незнаніе становится знаніемъ, или, что
тоже, знаніе его равняется незнанію (*vel nosse ignoratio, vel
ignorare noscendo*)?

Г л а в а 6.

Да, Господи Боже мой! Если уже исповѣдывать міръ
предъ Тобою и устно и письменно все, чему Ты научилъ
меня объ этой (первобытной) матеріи, названіе которой слы-
малъ я и прежде, но которой не понималъ, какъ и тѣ (мани-
хей), которые говорили мнѣ о ней; то сознаюсь, что я пред-
ставлялъ ее себѣ въ безконечно различныхъ образахъ, и

потому представлять не ее. Духъ мой на этотъ разъ превращалъ порядокъ вещей и строилъ себѣ отвратительные и ужасные образы, но все же—образы. И это-то называлъ я безобразнымъ (*informe*), не потому впрочемъ, чтобы оно не имѣло образа, а потому, что представлялось мнѣ въ такомъ образѣ, въ какомъ оно, если бы видимо явилось, оттолкнуло бы мои чувства и поразило бы ужасомъ слабость всякаго человѣка, какъ нѣчто чудовищное и химерическое. То, что я представлялъ себѣ, было не столько безобразно, сколько безобразно, не по отсутствію всякаго образа, а по сравненію съ образами благовидными; и разумъ мой, не успокоиваясь на этомъ, требовалъ отъ меня, чтобы я отвлекся мыслію отъ всякой образности и совершенно отрѣшился отъ ней, если хочу представить себѣ вполнѣ безобразность этой матеріи: но я не могъ достигнуть того. Для моего понятія доступнѣе было полагать, что безъ всякой формы ничего не существуетъ, чѣмъ представлять себѣ что-то среднее между облеченнымъ въ форму и ничтожествомъ, и слѣдовательно ни то ни другое, а что-то и не имѣющее формы (*безформенное*) и имѣющее бытіе (не ничтожество). Наконецъ духъ мой пересталъ пытаться о томъ свое воображеніе, которое ничто не представляло мнѣ, *кромя образовъ тѣлъ, облеченныхъ въ дѣйствительныя формы*, и которое мѣняло и разнообразило ихъ по своему произволу; я обратилъ взоръ свой на самыя тѣла и сталъ вникать поглубже въ ихъ *измѣняемость*, по которой они перестаютъ быть тѣмъ, чѣмъ были, и начинаютъ быть тѣмъ, чѣмъ не были. Я догадывался, что этотъ переходъ изъ формы въ форму совершается при посредствѣ чего-то, неимѣющаго формы, а не при посредствѣ совершеннаго ничтожества (*per informe quiddam, non per omnino nihil*). Но я желалъ знать, а не догадываться только. И если бы я сталъ изсѣдывать предъ Тобою и устно и письменно во всемъ, что относится къ этой

задачу, какими путями шель я къ разрѣшенію ея и какъ Ты вразумлять и просвѣщать меня при уясненіи оной; то у кого достало бы терпѣнія слушать или читать меня? При всемъ томъ душа моя не перестанетъ ублажать Тебя, воздавая Тебѣ честь и славу, и за то, что исповѣдалъ, и за то, чего не исповѣдалъ,—за все благодѣянія Твои, не смотря на то, что я о многомъ умалчиваю. И дѣйствительно, я сталъ познавать, что измѣняемость вещей измѣняемыхъ сама по себѣ дѣлаетъ ихъ способными къ воспріятію всякихъ формъ, въ которыхъ онѣ видоизмѣняются. Но что же такое эта измѣняемость? Духъ ли? тѣло ли? или сочетаніе того и другаго вмѣстѣ? Если бы можно было сказать, что *«ничто есть что-то, а что есть, то вѣстѣ и не есть»*, что возможно смѣшеніе бытія и небытія; то я сказалъ бы тоже и объ этой измѣняемости. Впрочемъ какъ бы то ни было, только надобно же допустить, что въ первобытной матеріи, не имѣвшей ни вида ни образа, было что-то, что дѣлало ее способною къ воспріятію этихъ образовъ видимыхъ и благоустроенныхъ, въ которые влечены творенія міра нами видимого.

Г л а в а 7.

И откуда эта матерія могла произойти, въ чемъ бы ни заключалась сущность ея, какъ не отъ Тебя, Боже мой, отъ Котораго и все существующее получило свое бытіе? Но между этою матеріею и Тобою нѣтъ никакого сравненія; она настолько отстоитъ отъ Тебя, насколько не походитъ на Тебя, и разность отдаленности этой не можетъ быть измѣряема никакимъ разстояніемъ мѣстъ. Итакъ Ты, Господи, Который не измѣняешься никакъ и никогда, но всегда пребываешь одинъ и тотъ же, одинъ и тотъ же, одинъ и тотъ же, святъ, святъ, святъ Господь Богъ Вседержитель (Псал. 101, 26—28; Иса. 6, 3; Апок. 4, 8),—Ты сотворилъ эту матерію

и все существующее изъ ничего, сотворилъ на непреложномъ началѣ ¹⁾ своемъ, которое въ Тебѣ, на вѣчной Премудрости ²⁾ Твоей, которую Ты родилъ изъ Себя. Да, Ты сотворилъ небо и землю изъ ничего, а не изъ Себя—изъ своего существа (*de substantia tua*); иначе твореніе Твое равнялось бы Единородному (Сыну) Твоему, а чрезъ то и Тебѣ Самому, а никакимъ образомъ не могло быть, чтобы то, что не изъ Твоей сущности произошло, равно было Тебѣ. Да, кромѣ Тебя, ничего и не было, изъ чего бы Ты могъ творить ихъ, Боже, *Единый въ своей тринности и Троичный въ своемъ единствѣ*. Такъ, Ты сотворилъ изъ ничего это небо и эту землю, и что великое и и что малое: ибо Ты, по своему безпредѣльному могуществу и по своей безпредѣльной благодати, вызвалъ изъ ничтожества въ бытіе творенія всякаго рода и вида, и *дѣла Твоя вся добра злы* (Быт. 1, 31; Сир. 39, 21), отъ созданий этого величественнаго неба до созданий этой маленькой земли. Ты одинъ существовалъ, и кромѣ Тебя ничего не было, когда Ты творилъ небо и землю, эти два созданія: одно, ближе подходящее къ Тебѣ, а другое, ближе подходящее къ ничтожеству (*unum prope te, alterum prope nihil*) ³⁾, такъ-что первое ничего не имѣло выше себя, кромѣ Тебя, а послѣднее—ничего ниже себя, кромѣ ничтожества (*unum, quo superior tu esses, alterum, quo inferius nihil esset*).

¹⁾ Смот. жит. предд. XI глав. 8.

²⁾ Смот. тамъ же глав. 9.

³⁾ Очевидно, что здѣсь разумѣется земля не столько въ томъ видѣ, въ какомъ она явилась изъ рукъ Творца, по окончаніи творенія, и въ какомъ мы видимъ ее теперь, сколько въ видѣ первоначальномъ, какъ первобытная матерія или масса, не имѣвшая еще никакого образа, изъ которой затѣмъ уже получилъ свое образованіе міръ нашъ; то есть, разумѣется здѣсь земля *несвиданная и неустроенная*, о которой въ этихъ главахъ идетъ рѣчь, какъ о томъ въ началѣ сдѣлующей за снѣмъ главы и высказывающейся яснѣе мысли.

ГЛАВА 8.

Но это небо небесе Ты предназначилъ Себѣ, Господи, а эта земля, которую Ты предоставилъ сынамъ человѣческимъ (Исая. 113, 24), въ обладаніе ихъ, не была тогда такою, какою мы теперь видимъ ее и обладаемъ. Она была еще *невидима и неустроена, и тма была верху этой бездны* (Быт. 1, 2), потому что надъ нею не было свѣта, то есть, эта тма болѣе облежала поверхность бездны, нежели проникала въ самую бездну. Ибо эта бездна водъ, зримыхъ и во глубинѣхъ своей, по самому составу стихій, имѣетъ нѣкоторый видъ свѣта, которымъ довольствуются по крайней мѣрѣ рыбы и другія пресмыкающіеся животныя, обитающія въ этихъ подземныхъ пучинахъ и пропастьхъ; а все прочее близко подходило къ ничтожеству, потому-что не имѣло еще никакого образа, хотя имѣло въ себѣ задатки, дѣлавшіе эту безобразность способною къ воспріятію образовъ. И Ты, Господи, образовалъ міръ сей изъ этой безобразной матеріи, которую сотворилъ Ты изъ ничего и которая близка была къ ничтожеству, такъ что изъ этой ничтожной матеріи образовались столь чудныя и дивныя творенія, которыя величіемъ своимъ не перестаютъ изумлять насъ—сыновъ человѣческихъ. Да, что можетъ быть поразительнѣе этой *тверди небесной*, которую Ты основалъ во второй день, послѣ сотворенія *свѣта* (Быт. 1, 3—5), для раздѣленія *водъ* однихъ отъ другихъ, *между водою, яже въ надъ твердію, и между водою, яже въ подъ твердію*, сказавъ: *да будетъ,—и бысть тако?* И эту *твердь* назвалъ Ты *небомъ*, но небомъ этой земли (*суши*) и этихъ морей (собранія *водъ* подъ небесемъ), которыя Ты образовалъ въ третій день (Быт. 1, 6—10. 13), сообщивъ видимый образъ не имѣвшей вида безобразной матеріи, сотворенной Тобою прежде всякихъ дней. Конечно, Ты сотворилъ и небо прежде всякихъ

дней; но это—небо небесе, небо земнаго неба, о которомъ и сказано, что Ты въ началѣ сотворилъ *небо и землю*. Что же касается до самой земли, которую Ты сотворилъ; то это и была только безобразная матерія, такъ-какъ земля эта была *невидима и неустроена*, и тма была *верху* этой бездны: изъ этой-то земли невидимой и неустроенной, изъ этой безобразной и почти ничтожной матеріи Ты восхотѣлъ произвести и произвести безчисленное множество творспій, составляющихъ міръ сей. Творенія эти находятся въ постоянной видоизмѣняемости, такъ-что измѣняемость эта даетъ себя чувствовать въ мірѣ измѣненіемъ временъ, которыя мы наблюдаемъ и исчисляемъ; ибо отъ этой видоизмѣняемости, которой подлѣжить все сотворенное, происходятъ самыя времена, когда вещи въ своихъ видахъ и образахъ постоянно измѣняются и разнообразятся; и это съ тѣхъ поръ, какъ получили онѣ свое образованіе изъ первобытной матеріи (земли), не имѣвшей ни вида ни образа.

ГЛАВА 9.

Вотъ почему Духъ—учитель раба твоего (Моисея), открывая, какъ Ты *въ началѣ* сотворилъ небо и землю, ничего не *сказываетъ о временахъ, уличиваетъ о дняхъ*. Именитъ: *небо* небесе, которое Ты сотворилъ въ началѣ, есть міръ существъ духовныхъ; а они хотя и не совѣщны Тебѣ, въ Твоей троичности, но, будучи сопричастны Твоей вѣчности, при всегдашнемъ наслажденіи блаженствомъ отъ созерцанія лица Твоего, становятся чуждыми свойственной творенію измѣняемости; пребывая въ Тебѣ безъ всякаго колебанія отъ самаго сотворенія своего, они стоятъ выше всякихъ перемѣнъ; а безъ перемѣнъ нѣтъ и преемства временъ. И самая земля, какъ невидимая и неустроенная, эта безобразная матерія, тоже почислена не въ ряду дней; потому что и тамъ, гдѣ нѣтъ никакого устрой-

ства и никакого распорядка, гдѣ нѣтъ ни прихода и ни прехождения, гдѣ ничего подобнаго не бываетъ,—тамъ тоже не можетъ быть никакихъ дней и никакихъ перемѣнъ временныхъ, продолженіймъ коихъ можно было бы вести счетъ.

ГЛАВА 10.

О Истина, свѣтъ души моей! Непусти, чтобы врагъ невѣдѣнія моего внушалъ мнѣ что-либо. Эти временные и скоропреходящіе предметы увлекли меня своимъ потокомъ, и я омрачился. Но это-то самое, это и заставило меня обратиться къ Тебѣ и возлюбить Тебя. Я впалъ въ заблужденія, уклонившись отъ истиннаго пути; но я вспомнилъ о Тебѣ. Я слышалъ гласъ Твой, доходившій до меня издали,—гласъ, который звалъ меня на путь обращенія; и я едва внималъ этому гласу, будучи заглушаемъ и обуреваемъ тревожнымъ шумомъ толпы людей немирнолюбивыхъ (*per tumultus impacatorum*) ¹⁾. И вотъ я наконецъ возвращаюсь къ Тебѣ; отъ жажды, которая палитъ и сожигаетъ меня, обращаюсь къ Тебѣ—*источнику воды жизни* (Іоан. 4, 10—14). Пусть никто не останавливаетъ меня; я буду пить изъ сего источника, и вода его оживитъ меня. Не стану болѣе жить своею жизнью; худо я жить самъ собою; я не жить, а постоянно умираю, нося въ себѣ смерть: Ты только можешь оживотворить меня, и я въ Тебѣ только могу обрѣсти жизнь. Самъ Ты вѣдай мнѣ, Господи, и будь путеводителемъ моимъ. Я вѣрю и ввѣрился твоимъ

1) По замѣчанію Минье и другихъ, въ нѣкоторыхъ изданіяхъ значится: *per tumultus peccatorum*—*прислужниковъ*; а въ нѣкоторыхъ: *impacatorum*—*не умиротворимыхъ*; во всѣхъ же манускриптахъ, ни одного почти не исключая, сохраняется текстъ послѣдній, который и признается болѣе вѣрнымъ и съ обстоятельствами предшествовавшей жизни Августина согласнымъ, такъ-какъ подъ этимъ словомъ могъ онъ разумѣть здѣсь число *манихеевъ*, коими угнетенъ былъ въ манихейскую ересь, какъ *непримиримыхъ* враговъ священнаго Писанія.

священнымъ иптамъ; но въ нихъ много таинственнаго и неудобопостижимаго.

Г л а в а 11.

Наконецъ Ты открылъ мнѣ, Господи, могущественнымъ словомъ своимъ внутреннему слуху моему, что Ты *въчуждъ* (Рим. 14, 25), *единъ истинный безсмертіе* (1 Тим. 6, 16); ибо Ты не измѣляешься ни въ образахъ ни въ движеніи, и воля Твоя не подчиняется перемѣнчивости времени; а та воля, которая видоизмѣняется одинъ разъ такъ, другой разъ иначе, переставая быть тѣмъ, чѣмъ была, чтобы сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ не была, не есть воля вѣчная. Это становится для меня яснымъ при свѣтѣ Твоемъ; но да уяснится еще болѣе и болѣе, молю Тебя, чтобы мнѣ при этомъ откровеніи пребыть твердымъ въ здравомысліи подъ кровомъ крылъ Твоихъ. Равнымъ образомъ открылъ Ты мнѣ, Господи, тѣмъ же мощнымъ словомъ своимъ сокровенному слуху моему, что всѣ твари и всѣ существа, которые конечно не то, что Ты, и однакоже имѣютъ свое бытіе, Тобою сотворены, и только то не отъ Тебя, что не существуетъ (ничтожество); да сие не отъ Тебя уклоненіе отъ Тебя воли существъ Тобою сотворенныхъ,—отъ Тебя, какъ отъ своего Творца и Существа Высочайшаго; а это хуже самаго ничтожества, потому что это уклоненіе есть преступленіе или грѣхъ. Но никакой грѣхъ чьей бы то ни было воли ни Тебѣ не вредить, ни порядка не нарушать въ царствѣ владычества Твоего, ни по отношенію къ высшимъ, ни по отношенію къ низшимъ твореніямъ Твоимъ. Это ясно для меня при Твоемъ свѣтѣ. Молю же Тебя, осѣняй меня этимъ свѣтомъ болѣе и болѣе, чтобы при Твоемъ откровеніи пребыть мнѣ непоколебимымъ въ трезвомъ здравомысліи подъ кровомъ крылъ Твоихъ.

Ты открылъ мнѣ, тѣмъ же словомъ своимъ тому же слуху моему, еще и то, что и тѣ небожители—существа міра

духовнаго, коихъ воля сосредоточена вся въ Тебѣ самомъ (*cujus i. e. creaturae voluntas tu solus es*) ¹⁾, не совѣщны Тебѣ, хотя существа эти, наслаждаясь въ Тебѣ чистѣйшею и неизмѣнною жизнью, превыше всякой измѣняемости. Имѣя Тебя всегда присущимъ себѣ, потому что соединяются съ Тобою всею любовію своею, и не нуждаясь ни въ будущихъ ожиданіяхъ, ни въ прошедшихъ воспоминаніяхъ, они не испытываютъ никакихъ превратностей и не подчиняются пресмщенности времени. О. какъ они блаженны, кто бы ни были они, пребывавъ и соучаствуя въ Твоемъ блаженствѣ безъ перерыва,—какъ они блаженны, имѣя Тебя всегдашнимъ сожителемъ и просвѣтителемъ своимъ! И я не нахожу, чѣмъ бы лучше можно назвать это *небо небесе*, которое служить *престоломъ Господу* (Псал. 113, 24. Иса. 66, 1), какъ не *домомъ* Твоимъ; въ немъ домочадцы Твои наслаждаются лицезрѣніемъ Твоимъ исотлучно, безъ всякаго поповзновенія отлучиться на страну чуждую, будучи связаны неразрывными узами мира и единенія со всѣми святыми Твоими небожителями, гражданами града Твоего на небесахъ, превыше нашей тверди небесной.

Да уразумѣетъ же это всякая душа, которая въ странствованіи своемъ удалилась на страну чуждую, да пойметъ, если она тѣмится *жаждою* твоихъ благъ, если уже *слезы* ея сдѣлались для ней *хлѣбомъ*, когда каждый день говорятъ ей: *иди Богъ твой?* если одного *проситъ* она у Господа и *того только ищетъ* у Него, чтобы *жить* ей въ *дому Его* *вся дни живота своего* (Псал. 41, 3. 4. 11. 26, 4). И что такое жизнь ея, если это не Ты? и что такое дни твои, какъ не вѣчность Твоя, дни, которые подобно *мтамъ Твоимъ* не *оскудѣваютъ*, потому что Ты вѣчно *тойжеде еси* (Псал. 101,

1) Въ некоторыхъ манускриптахъ вмѣсто *voluntas* стоить *voluptas*—
жорельство.

28)?—О, да уразумѣеть послѣ сего эта душа, по мѣрѣ силъ своихъ, насколько вѣчность Твоя превыше всякихъ временъ, если и домочадцы дома Твоего, эти блаженные существа, никогда не удаляющіяся отъ Тебя на страну чуждую, не смотря на то, что не совѣчны Тебѣ, но между тѣмъ пребывающія въ Тебѣ постоянно и неизмѣнно, не испытываютъ никакихъ перемѣнъ времени. И это ясно для меня при свѣтѣ Твоемъ; да усугубится же этотъ свѣтъ во мнѣ, умоляю Тебя, чтобы мнѣ въ этомъ откровеніи сохранить трезвость ума подъ кровомъ крылъ Твоихъ.

Все это понятно для меня и все это знаю я; одного только здѣсь не понимаю и не знаю, вотъ чего: что это за безъобразность первобытной матеріи, и какъ эта безъобразность относится къ тѣмъ перемѣнамъ, коимъ подверглись и которыя испытали творенія при образованіи ихъ изъ этой матеріи (земли невидимой и неустроенной)? И кто станетъ утверждать, кромѣ водящегося суежными помышленіями сердца своего и мечтами воображенія своего, кто за исключеніемъ таковаго сталъ бы утверждать, что эта безъобразность, при отсутствіи въ ней всякаго образа предметнаго, такъ-чтобы въ ней ничего не было, а была бы только одна масса безъобразная, служащая матеріею предмету для перехода отъ образа къ образу въ видоизмѣненіяхъ его,—что эта безъобразность могла бы сама собою проявить перемѣны времени? Это совершенно невозможно: ибо безъ разнообразія движеній нѣтъ и время; и гдѣ нѣтъ никакихъ образовъ, тамъ не можетъ быть и разнообразія.

ГЛАВА 12.

Послѣ этого размышленія, внушеннаго мнѣ Тобою, Боже мой, насколько Ты самъ пробуждалъ умъ мой и насколько удовлетворялъ его пытливости, изъ того, что благоволилъ Ты

открыть мнѣ, я усматриваю, что между твореніями Твоими есть два такіа, которыя не подчиняются временамъ, хотя ни то, ни другое не совѣчны Тебѣ: одно, которое такъ устроено, что хотя ему, какъ творенію, и свойственна измѣняемость, однако оно пребываетъ неизмѣнно, потому что наслаждается въ лицезрѣніи Твоемъ Твоею вѣчностію и неизмѣняемостію безъ всякаго перерыва и безъ всякой перемѣны; а другое, которое не имѣло въ себѣ никакого устройства, что давало бы ему возможность видоизмѣняться въ движеніи или въ неподвижности и подчиняться перемѣнамъ временъ. Но это послѣднее Ты не оставилъ въ такомъ неустройствѣ; ибо Ты сотворилъ прежде всѣхъ дней, въ началѣ, небо и землю, эти два творенія, о которыхъ я уже говорилъ. *Земля же бы невидима и неустроена, и тма верху бездны* (Быт. 1, 2). Этими словами Ты хотѣлъ только выразить понятіе о безобразности и неустроенности первобытной матеріи, чтобы исподоволь вразумить тѣхъ, которые, не въ состояніи будучи отрѣшиться отъ всякой образности, не могутъ представить себѣ что-нибудь безъ всякаго вида и образа, и вообще показать, что это есть та самая матерія, изъ которой Ты образовалъ видимое нами другое небо, и эту землю видимую и устроенную, и эти воды чистыя и прозрачныя, и все то, что въ послѣдствіи упоминается въ частности объ устройствѣ міра сего, и что все это произведено уже не безъ времени (*non sine diebus*), а въ продолженіи опредѣленнаго числа дней, погому что эти творенія такого свойства, что всѣ они, испытывая опредѣленные измѣненія въ движеніяхъ и формахъ своихъ, тѣмъ самымъ подчиняются и перемѣнамъ временъ.

Г л а в а 13.

Итакъ я вотъ какихъ мыслей, когда внимаю словамъ Писанія Твоего, Боже мой, которое говоритъ мнѣ: *въ началѣ*

сотвори Боже небо и землю; земля же бы невидима и не-
устроена, и была верха бездны (Быт. 1, 1. 2), а между тѣмъ
ничего не упоминается, въ какой день сотворилъ Ты ихъ. Я
думаю такъ, что здѣсь подъ небомъ разумѣется то небо небесе,
небо духовное, или міръ существъ духовныхъ, гдѣ собственно
этимъ существамъ имѣніе и знаніе не по частямъ и не по
частямъ, не какъже астрологамъ въ таблицахъ и по перемѣнчивое,
однѣ разъ такъ, а другой разъ иначе, но цѣлостное и все-
объемлющее, въ ясномъ штеніи акмеахъ къ акмеу, всегда оди-
наковое, полное и совершенное, божь всякой измѣляемости
время (1 Кор. 13, 9. 10. 12); а подъ землею разумѣется
та земля, не имѣвшая ни вида ни образа, которая служила
первоначальною матеріею для образованія существъ міра
вещнаго; и въ этомъ первобытномъ состояніи своемъ
она тоже не могла испытывать перемѣнъ времени, потому
что тамъ и не можетъ быть никакого измѣненія, гдѣ нѣтъ
никакого вида и никакого образа. И по отношенію къ этимъ
двумъ твореніямъ, полагаю я, Писаніе Твое ничего не упо-
минаетъ о дняхъ, когда говоритъ: *въ началѣ сотвори Богъ
небо и землю.* Одно изъ нихъ съ перваго, такъ сказать, разу-
мѣвалось всю полноту и совершенство своего устройства, а
другое на первый разъ явилось божь всякаго почти устрой-
ства, какъ безобразная матерія, которая подлежала еще
образованію; первое—это небо, но небо небесе, а послѣднее—
это земля, но земля невидимая и неустроенная. Ибо непосред-
ственно слѣдующія затѣмъ слова: *земля же бы невидима и
неустроена*, ясно показываютъ, что здѣсь разумѣется подъ
землею, а когда во второй затѣмъ день говорится о сотворе-
ніи тверди, которая названа тутъ же небомъ, то этимъ по-
нятно ясно указывается на то, что это—не то небо, о кото-
ромъ сказано выше, при сотвореніи котораго ничего не упо-
минаютъ о дняхъ.

— 378 —

Г л а в а 14.

Дивная глубина словесъ Твоихъ! Мы останавливаемся на поверхности ихъ, какъ младенцы; но глубина ихъ, Боже мой, глубина дивная! Нельзя безъ страха и трепета погружаться въ нее взорамъ нашимъ; но этотъ страхъ проистекаетъ отъ благоговѣнія, и трепеть—отъ любви. Нестерпимы для меня тѣ, которые враждебно относятся къ этому слову Твоему, и я съ болѣзненнымъ, но праведнымъ, негодованіемъ смотрю на нихъ. О если бы Ты поразилъ ихъ тѣмъ же *словомъ* своимъ, какъ *мечемъ обоюду острымъ* (Евр. 4, 12), чтобы они не враждовали противъ него! Да, я желаю имъ, чтобы они перестали жить для себя, а жили бы для Тебя. Но есть между ними и такіе, которые не порицаютъ этой книги Творенія (Бытія), а съ глубокимъ уваженіемъ относятся къ ней; но между тѣмъ говорятъ мнѣ: «Духъ Божій, который рабу своему Моисею внушалъ написать эти слова, имѣлъ въ виду дать имъ не такое значеніе, какое придаешь имъ ты; онъ не то разумѣлъ, что ты говоришь, а то, что мы говоримъ» ¹⁾. Поэтому я отвѣчаю имъ предъ Тобою, Боже нашъ, всеблагій Отецъ всего и всѣхъ; и Ты будь между нами посредникомъ и судіею.

Г л а в а 15.

«Неужели вы скажете, что все это ложно, что внушаетъ мнѣ Истина, внушаетъ могущественнымъ словомъ своимъ внутреннему слуху моему, о непреложной вѣчности Творца, открывая, что существо Его отнюдь не подвержено перемѣнамъ временъ и что воля Его такова же, какъ и существо? что въ слѣдствіе этого Онъ не желалъ въ одинъ разъ того,

¹⁾ Здѣсь Августинъ разумѣетъ вообще манихеевъ, какъ замѣчено уже нами въ главѣ 10-й.